

*Легко, просто, правдиво, без нытья — и это
о войне. Поразительно...*

Андрей КРАСОВ,
Герой России, гвардии полковник ВДВ,
депутат Государственной думы

Александр ТАМОНИКОВ

СУММАРНЫЙ ТИРАЖ — СВЫШЕ 9 000 000 ЭКЗЕМПЛЯРОВ

ЕВРОПЕЙСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ —
НЕ СОВСЕМ ТО, ЧТО МЫ ДУМАЛИ

РОМАН О РОССИЙСКОМ СПЕЦНАЗЕ

ОН, ОНА
И ПАТРОНЫ

Роман о российском спецназе

Александр Тамоников

Он, она и патроны

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Тамоников А. А.

Он, она и патроны / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2017 — (Роман о российском спецназе)

ISBN 978-5-699-98590-6

Для совершения серии терактов в Европу под видом беженцев прибывает группа исламских экстремистов. Свою первую кровавую акцию они осуществляют в многолюдном парке крупного французского города. Вдохновленные удачей, боевики планируют новую атаку. Однако в последний момент о предстоящем теракте становится известно местным спецслужбам. Они обращаются за помощью к своим более опытным российским коллегам. На ликвидацию банды отправляется группа спецназа майора Андрея Корнилова. Прекрасно подготовленный офицер готовится использовать навыки управления боем, однако неожиданный поворот событий вынуждает его выступить в совершенно непривычной для себя роли...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-699-98590-6

© Тамоников А. А., 2017

© Эксмо, 2017

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	14
Глава третья	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Александр Тамоников

Он, она и патроны

© Тамоников А.А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2017

* * *

*Все изложенное в книге является плодом авторского воображения.
Всякие совпадения случайны и непреднамеренны.
От автора*

Глава первая

Поселок Аль-Саид – пригород Эр-Ракки, сирийской столицы самопровозглашенного Исламского государства – утопал в закатном спокойствии. Солнце опускалось за горы, расцвечивало горизонт густым багрянцем. На фоне темнеющего неба возвышались иглообразные минареты, похожие на устремленные к звездам ракеты. Теснились плоские крыши глинобитных хибар, чернели оконные проемы, которые редко обшивали стеклами. Людей на улицах – кот наплакал, изредка курсировали джипы с вооруженными экипажами. Пейзаж на западе украшали горы, обведенные лиловой каймой. В закатном багрянце обрисовались четыре равноудаленные друг от друга точки. Они приближались и превращались в ударные вертолеты вооруженных сил Сирийской Арабской Республики. «Ми-8 АТМШ» «Терминаторы» – вооруженные версии транспортных винтокрылых машин. Они разворачивали свои «дельфиньи носы», выстраивались в боевой порядок, а потом с ревом устремлялись к западной окраине поселка, где раньше работал цементный завод. Грохот бил по ушам, в темнеющем воздухе искрились трассеры. Вертолеты заходили по одному, гремели пулеметы ПКТ калибра 7,62 миллиметра, размещенные в носовых установках, срывались с подвесок и уносились к цели управляемые ракеты «Штурм». Грохотали взрывы, окраину поселка окутало дымом. Цель накрыл мощный шквал огня. Воздушная атака с тактической точки зрения выглядела безупречно. Вертолеты делали вираж и заходили на второй круг. Но никто не метался в дым. Взорвалась грузовая машина – такое ощущение, что ее специально поставили посреди двора, чтобы вертолетчики не ошиблись. Ударили скорострельные зенитные установки – их замаскировали севернее, на крышах. Лопались шары в небе, металась световые ленты. Огня с фланга вертолетчики не ожидали. Одной из «вертушек» крепко досталось – она «удачно» подставила бок. Машина вздрогнула, потеряла высоту. Спасла металлокерамическая броня, прикрывающая экипаж и важные узлы конструкции. Топливный бак получил пробоину, но специальная защитная система мгновенно заполнила образовавшиеся отверстия пенополиуретаном. Выучка помогла пилоту удержать машину. Вертолет, покачиваясь, набрал высоту и устремился к западу. Атаку ждали и подготовились! Но ударная группа не собиралась мириться с неудачей. Оставшиеся машины продолжали кружиться и вести огонь. Одна из пятнистых винтокрылых конструкций вдруг резко снизилась, села посреди двора, на котором чадил грузовик. Пилот не стал глушить двигатель, из машины выпрыгнули экипированные бойцы сирийского спецназа и разбежались по пустырю. Остальные две машины вились кругами над местностью. Поврежденный «Ми-8» ушел на запад, растаял в дымке.

Боевики Исламского государства усилили ответный огонь. Десант асадовцев попал в ловушку! Ставилась задача: есть конкретные координаты, под прикрытием огня высадить людей и уничтожить группу террористов, подготовленных к переброске в Европу. Координаты оказались ложными, мышеловка захлопнулась. Ожили близлежащие развалины, ошетинились огнем. Выстрелил реактивный гранатомет «РПГ-7». Кумулятивный заряд сработал под кабиной пилотов, переломилась передняя стойка шасси, и «дельфиний нос» уткнулся в землю, его затянуло дымом. Скорострельные орудия долбили по барражирующим вертолетам. Еще одна машина получила пробоину, неуклюже развернулась, пошла низко над землей. У той, что сохранила живучесть, кончился боезапас, и она пристроилась в хвост предыдущей. Пилоты были сирийцами – в Аллаха верили, но в райские сады не спешили. Два десятка спецназовцев оказались предоставлены сами себе. Несколько человек погибли в разрывах, остальные залегли, спрятались в обломках мусора. Надрывал глотку усатый командир, поднимал личный состав. По ним стреляли из окон, из дыр в заборе. Мелькали бородатые личности в одинаковых песочных комбинезонах. Спецназовцы перебежками устремились к приземистому зданию с обширными подвалами – их навели на эту цель – и стали бросать гранаты в окна, на время при-

вода врага своей решимостью в замешательство. С крыши в спину атакующим ударил пулемет. Солдаты падали, корчились, обливаясь кровью. Остальные бросились к зданию, небольшой группе удалось пробиться внутрь, и там разгорелась пальба, перемежаемая воплями «Аллах Акбар!».

Через несколько минут все кончилось. По близлежащим проулкам бегали люди в песочных комбинезонах, заливали огонь пеной из огнетушителей. Горланно покрикивали командиры. Над окраиной Аль-Саида повис зловонный дым. Вертолеты улетели и больше не показывались. Посреди двора дымил подбитый «Ми-8». Чадила кабина пилотов, из которой так никто и не вышел. Свисали ошметки хвостового стабилизатора, разбитого пулями крупного калибра. Подъехал грузовик, набитый автоматчиками, несколько джипов. Люди выгружались, вставали в оцепление. К зданию бывшей конторы цементного завода, во дворе которой догорал вертолет, подъехал открытый внедорожник «Субару». Бородатый водитель с невозмутимой миной остался за рулем, а двое пассажиров вышли из машины. Оба в камуфляже без знаков различия, пистолеты на ремнях. Первый откликнулся на имя Сайдулла – «благородный, знатный слуга Аллаха», – он сам себе придумал это прозвище. Рослый, подтянутый, со стриженной окладистой бородкой. У него было ухоженное лицо с выразительными черными глазами. Сайдулла не являлся крупным военачальником, а отвечал за разведку, подготовку диверсионных групп и так называемые «внешние связи с временными союзниками». Он посмотрел по сторонам, с раздражением покачал головой. Нападение отбили, спецназ заманили в ловушку, и все равно без потерь не обошлось – погибли несколько преданных воинов Аллаха. Хорошо, что работали сирийские военные. Окажись на их месте русские – пришлось бы попотеть. Подбежал подчиненный, начал что-то бегло докладывать. Сайдулла отмахнулся – сами, мол, разберемся. Боец убежал, а он переглянулся со своим спутником. Тот был ниже ростом, шире в плечах, но имел такие же внимательные глаза, незаурядный ум и откликнулся на имя Гази Хабир. Более ценного помощника Сайдулла бы не нашел. У Хабира цепкое чутье и колоссальный опыт: продуктивная работа в Сомали, в Париже, в Соединенных Штатах. Он всегда оставался в тени, но все акции с его участием были шумными и резонансными. Не кичился успехами, вел себя скромно, как и полагается истинному воину Аллаха, никогда не лез впереди арбы.

– Не вернутся, как считаешь, Сайдулла? – потянув носом и с любопытством осматриваясь, спросил Гази.

– Вернутся, еще получат, грязные свиньи... – процедил Сайдулла. У него был запоминающийся низкий голос.

Он перебрался через гору мусора, держась за шаткую саманную стенку, вошел во двор. Помощник следовал сзади. Автоматчики, весело покрикивая, выгоняли во двор плененных спецназовцев. Их осталось восемь, все в крови, в цементной пыли, едва стоят на ногах. Их начали бить прикладами, выстраивая в шеренгу. Не устоял боец с окровавленной ногой, повалился боком. Ему кинулись помогать его товарищи, поставили на ноги, поддержали плечами. Неровную шеренгу окружили ухмыляющиеся автоматчики. Сайдулла с непроницаемой миной прохаживался вдоль строя, всматриваясь в лица спецназовцев. Желаящих молить о пощаде не нашлось. Интригой оставалась лишь степень мучительности их смерти. Сайдулла остановился напротив молодого парня с трясущейся челюстью. Тот пытался держать себя в руках, но все эмоции буквально вылезали наружу. Вот уж воистину, Аллах свидетель, этот мир спасет лишь методичный отстрел дебилов!

– Салам алейкум, добрый юноша, – вкрадчиво проговорил боевик, растягивая тонкие губы. – Позволено ли будет узнать, с какой целью вы сюда прибыли?

Спецназовец облизнул пересохшие губы... и ничего не сказал. Сайдулла сделал предупреждающий жест автоматчику с занесенным прикладом и холодно засмеялся:

– Не можете ответить, юноша? Проводите время в размышлениях и молитвах? Как я вас понимаю...

Его ничто не могло вывести из равновесия.

Разведка ИГИЛ снова добилась маленькой, но приятной победы. Вражеских агентов пустили по ложному следу, в результате нанесли противнику существенный урон. Сайдулла кивнул, посмотрел на часы... и тут же потерял интерес к происходящему.

– Расстрелять, – бросил он, уходя со двора.

Автоматчики зашумели и погнали пленных к стенке. Когда затрещали автоматные очереди, Сайдулла даже не обернулся. Вышел на улицу, перепрыгнув через гору мусора, уселся в джип. Хабир залез следом и развалился на заднем сиденье.

Водитель повел машину с западной окраины поселка на восточную. Уже стемнело, пришлось включить дополнительные фары на стальных рамах. Ксеноновый свет вырывал из мрака шаткие ограды из глины и ракушечника, глухие стены домов, выходящие на улицу. Прохожих почти не было – мирные жители без нужды жилье не покидали. Несколько раз машину облаивали собаки. Хрустели камни под колесами. Дважды водитель сворачивал в тесные переулки, потом пошел крутой колдобистый спуск – пришлось сбросить скорость. Монотонную езду разнообразил тоскливый женский вой из-за ограды – мужчина воспитывал плеткой провинившуюся супругу.

В остальном на восточной окраине было тихо и спокойно. Машина приблизилась к невзрачным воротам, которые отъехали по взмаху «волшебной палочки». Внедорожник вкатил внутрь. Двор был пуст, аккуратно выметен и освещен лунным светом. Сайдулла бросил пару фраз шоферу и помощнику, они разошлись в разные стороны, и он остался один. Несколько минут Сайдулла стоял у капота, думал. В том, что случилось этим вечером, имелся смысл. Комплекс зданий, якобы приютивших группу шахидов, оказался ложной мишенью. Подставить его под удар – выиграть время. А сейчас это время есть – пока соберут верную информацию и нанесут повторный удар. Разведка сирийцев сработала правильно, но не учла, что ей противостоит не менее изощренная разведка. Действия спецназа «подкорректировали» свои люди в штабе правительственной бригады. Группа террористов действительно имелась, ждала своего часа, чтобы отправиться в Европу готовить крупную акцию, но сидела по другому адресу. С этой группой что-то было не так. Вернее, не со всей группой, а с кем-то в ее составе... Сайдулла имел дьявольский нюх и с каждым часом укреплялся во мнении, что не ошибается. Некто в этих подвалах – вражеский агент. Он еще не понимал, кто именно, но вся отлаженная машина работала в данном направлении. Информация могла появиться уже завтра. На кого работал этот «добрый» человек? На Штаты, на Россию, на турецкую разведку, с которой у ИГИЛ довольно сложные отношения? В принципе, он не боялся, что агент выдаст группу, и не видел причин ее разгонять. Людей привезли из разных уголков Ближнего Востока, они встретили друг друга только позавчера. У агента не было возможности послать весточку. Их лишили всех средств связи, со двора не выпускают – гуляют со своими семьями под присмотром автоматчиков. Общаться могут, но только в собственном кругу, и что с того? Все в порядке, время пока играет на доблестную разведку Исламского государства...

Время для прогулок закончилось. Все пять семейств сидели в оборудованных подвалах бывших ткацких мастерских. Он спустился по изогнутой лестнице, хмуро кивая приветствующим его автоматчикам. Люди жили в нормальных условиях, как и положено братьям по вере, идущим на важное дело. У каждого семья, и это правильно. Не удержит вера – удержит страх за близких. У каждой семьи – по две комнаты, мебель, кровати, комфортабельные санузлы с ваннами, телевидение со спутниковыми тарелками. Комнаты устланы мягкими подушками, матрасами. Есть игрушки – хотя по законам шариаата это не очень приветствуется (как и телевидение). Кормят прилично, дважды в сутки пускают погулять. Неприятных моментов только два: отсутствие окон да открытые двери, сквозь которые постоянно подглядывает охрана...

Сайдулла вошел без стука. Ныл, потирая слипающиеся глазки, шестилетний Уман. Его братишка Дави, которому на днях исполнилось десять, по приказу отца собирал игрушки. Под-

бежала остроногая супруга Гузель в черной накидке, закрывающей голову, и, пугливо поглядывая на Сайдулла, увела нытика в другую комнату. Спорить с отцом членам семейства было невыгодно, он был жесток и решителен. Впрочем, только в домашнем кругу. В общении с Сайдуллой Абу Каббар был кроток, исполнительен и никогда не заставлял повторять дважды. Он поднялся с пола – уже грузнеющий, но пока еще полный сил и опыта, сделал на всякий случай виноватое лицо.

– Добрый вечер, брат, – вкрадчиво поздоровался Сайдулла, бросая беглые взгляды по сторонам. – Все в порядке?

– Хочется сказать, что да, Сайдулла, да язык не поворачивается. – У Абу Каббара был хриплый голос, сорванный еще на военной службе. – Снова наших братьев в Багдаде шииты казнили... Строишь телевизор?

Сайдулла кивнул. Телевизионные программы состояли в основном из агитационных «клипов» и бравых песен, прославляющих подвиги джихадистов.

– Все будет хорошо, брат Каббар, мы отомстим за них.

Каббар пожал протянутую Сайдуллой руку, помешкал, опустив глаза в пол, и тихо проговорил:

– Вроде стреляли, Сайдулла? Взрывы слышали...

– О нет, все в порядке, никто не пострадал. – Сайдулла умел улыбаться многозначительно – так, что мороз пробежал по коже. Храбрый человек, с богатым военным прошлым, а трясся как осиновый лист. При Саддаме Каббар командовал взводом спецназа, специализировался на зачистках курдских территорий на северо-западе Ирака и принял падение режима как личное горе. Американцев возненавидел всей душой – когда они вполне непринужденно применили артиллерию по жилым кварталам Басры и под развалинами погибли его пожилые родители (которые, кстати, ничего не имели против янки, хотя и скрывали это). Усилием воли загнал свою ненависть в угол, пытался найти работу при новом режиме. В армии его способности оказались не востребованы, трудился разнорабочим, расчищал за гроши улицы от завалов. Правительство Ирака бросило в Абу-Грейб его брата Сулеймана, где тот и сгинул. Семья голодала. Однажды, когда ненависть уже хлестала через край, Абу Каббар решился – связался с людьми из Исламского государства, предложил свои услуги...

Сайдулла не стал смущать семью Каббара своим присутствием и вышел в коридор. Он заглядывал в другие комнаты, всматривался в лица «временно проживающих», искал подсказки в их поведении и невразумительном бормотании. Плотный тридцатилетний Али Рашид, вопреки канонам шариата, сбрасывал бороду и постоянно ходил, сверкая щетиной. Бывший сотрудник разведки Башара Асада, переметнулся к оппозиции еще в 2013-м. Тоже потерял родителей, когда карательные отряды правящего режима зачищали маленький городок Эр-Рома, где прятались боевики разбитой группы полевого командира Аббаса Шарифа. Полгода назад этот парень связался с братьями из «Ан Нусры» и предложил свои услуги в обмен на безопасность семьи. К сожалению, его маленький сын скончался пару месяцев назад – заражение крови, лекарям не удалось спасти ребенка. Осталась жена, большеглазая печальная Хануф. При появлении посторонних она всегда набрасывала на лицо волосную сетку чачван. Вот и сейчас это сделала и быстро убежала в дальнюю комнату.

– Хочешь чаю, Сайдулла? – предложил Али.

– Нет, спасибо, – качнул головой Сайдулла, проникательно подметив, что при этих словах тот облегченно вздохнул. – Зашел проверить, все ли у вас в порядке.

– Что у нас может случиться? – пожал плечами Али. – Хануф плачет, на нее иногда находит... Долго нам еще тут сидеть?

– Ждем распоряжений, – скупо отозвался Сайдулла. – Думаю, на днях отправитесь в путь... с благословением Аллаха. Поедете под видом беженцев, все вместе – принято решение

группу не дробить. Но пока рано об этом говорить. Отдыхай, Али. Привет супруге, – усмехнулся он, покосившись на закрывшуюся дверь.

– Что случилось в поселке? Мы с Хануф слышали, что шел бой.

– Собаки Асада напали, – лаконично объяснил Сайдулла. – Им дали достойный отпор, не переживай, Али.

Все помещения, где жили будущие террористы, тщательно прослушивались. Дело даже не в том, что с одним из них что-то неладно. Умный человек не станет болтать, догадываясь о «прослушке». Анализировались все нюансы – оттенки настроения, речи, отношение к женам, к детям. Этих людей характеризовали как способных, морально устойчивых и верных делу построения всепланетного государства с верховенством шариата. Но как говорят русские: доверяй, но проверяй. Тем более что не все с ними было однозначно. В следующей «квартире» коротали деньки молодые люди – семейная пара, недавно поженились, детей еще не назвали. Трогательные голубки... Когда свергали Саддама, Мансур Хамиль еще был мальчишкой. Сейчас ему 22. Жена Виам недавно отметила 18-летие. Жили в Багдаде, где постоянно что-то горит и взрывается, мечтали о переезде в Европу. Хамиль – профессиональный программист, почти гений в компьютерах и всевозможной электронике. Окончил заочно технологический институт, работал в фирме, занимающейся проблемами безопасности армейских коммуникационных сетей. Супруга не работала, жили у бабушки, которая не так давно скончалась. Переезд в Европу стал недостижимой мечтой. О чаяниях пары узнали нужные люди, предложили сделку: выполняете работу, не задавая вопросов, и весь Старый Свет – к вашим молодым ногам. Делайте что хотите – плодитесь, зарабатывайте, путешествуйте! О нюансах работы эмиссары ИГИЛ не распространялись. Насчет терактов с массовыми жертвами предпочитали помалкивать. Молодые люди согласились, и однажды под покровом ночи их вывезли из Багдада и доставили к сирийской границе. Теперь держали фактически в плену, хотя и обращались сносно. Наивности этой парочке хватало, но и дураками они не были – начинали подозревать, что грядущая работа, на которую подрядят Мансура, имеет специфический характер...

Сайдулла вошел к ним, и они буквально окаменели. До этого смотрели телевизор, по которому показывали что-то «музыкальное». Виам была девушкой «продвинутой» – тело закрывала, а лицо держала открытым. Сайдулла не возражал – не дело портить отношения с компьютерным гением, способным принести пользу. Личико – милое, кукольное, хотя и побледнело от страха. Мансур тоже был «модельным» мальчиком – невысокий, худой, с правильными чертами лица, которое составило бы честь отпрыску арабского шейха. Волосы аккуратно пострижены, пушок на щеках. А главное, взгляд – наивный, робкий, жалобно-доверчивый. Слово и не мужчина вовсе...

– Добрый вечер, Мансур и Виам, – вкрадчиво поздоровался Сайдулла. – Мир вашему дому, да пребудет с вами Аллах... Не волнуйтесь, я на минутку. Вас никто не обижает? Кормят хорошо?

– Да, спасибо. – Молодой человек сглотнул и непроизвольно закрыл собой супругу. – Охранник сегодня пытался потрогать Виам, скалился по-скотски... Она поэтому второй раз гулять не пошла, боится... Я ему сказал, а он чуть не ударил меня прикладом...

– Это кто? – нахмурился Сайдулла.

– Юсуф... Сейчас его нет, его смена кончилась...

– Хорошо, я разберусь, это недопустимо, Мансур, я полностью на вашей стороне. Надеюсь, ты понимаешь, что это недоразумение?

– Да, понимаю... – Молодой человек опустил глаза, кожа на скулах натянулась.

Сайдулла скрипнул зубами, выходя в коридор. Кретины! Что они себе позволяют? Он же дал им четкие и понятные инструкции! Эти люди – не пленники! Да, кстати, и не шахиды – они не собираются умирать, а рассчитывают жить со своими семьями до глубокой старости! И эту

иллюзию надо в них поддерживать и лелеять, генерировать ненависть к врагам, а не отталкивать от себя подобными инцидентами! Придется сказать Хабиру, чтобы наказал паршивца...

Остальных он обошел быстро. Люди укладывали спать хнычущих детей, мужчины ворчали на своих благоверных. Худосочная нескладная Амаль, видно, чем-то допекла супруга – тридцатилетнего Башира Фарука. Этот рослый, спортивно сложенный субъект с вечно недовольным лицом энергично махал руками и чуть не хлестнул свою избранницу по щеке. Та упрямо продолжала ныть: мол, от тебя никакого прока, даже с детьми не можешь посидеть минутку, пока я моюсь! Почему мне приходится постоянно с ними сидеть? Много зарабатывает? Допоздна торчит на работе? Как бы не так! Он торчит с ней рядом в этом глухом подвале, где их, похоже, навечно замуровали!

– О женщина! – хватался за голову Фарук. – Когда же ты утомилась? – Он уже созрел, чтобы отвесить ей вторую затрещину, но появление Сайдуллы смешало планы. «Враждующие» стороны разошлись по углам. Сайдулла прохладно улыбнулся. Сделал знак: продолжайте, я не участвую.

Нервы у всех обитателей подвала были на пределе, и Башир Фарук не был образцом выдержки и хладнокровия. Вспыльчивый, острый на язык – впрочем, это относилось лишь к общению с супругой. Молился по пять раз на дню, усердно протирал лбом садждаду – молитвенный коврик. В армии Саддама он был сапером, командовал взводом – идеально знал взрывное дело. На службе зарекомендовал себя отлично – пока «моча не ударила в голову» и не выехал на «техничке» на плац, где строилась его рота. Развернул пулемет и стал стрелять с остервенением, повалив половину присутствующих. Затем прыгнул за руль, умчался в пустыню, пробираясь окольными тропами в Мосул, прихватив по дороге в деревне Ас-Саджара отсиживающуюся там семью. Надо отдать ему должное – своих детей Башир Фарук любил и готов был ради их будущего на любую работу. Детишки у него и впрямь получились славные, хотя супруга Амаль привлекательностью не отличалась. Большеглазые, спокойные, послушные – четырехлетний Ислам и восьмилетняя Айгуль, чей смех звенел подобно колокольчику...

28-летний Карим Талеб уже утомил своих домашних, в помещении было тихо. Сайдулла остановился на пороге, поводит носом. Чувствовался запах прогоревшей кальянной смеси. Аллах возражает, но в крайних случаях допустимо. Пусть думают, что им позволено многое... Услышав надрывный храп, он не стал заходить. Талеб был спокойным, уравновешенным, всегда тщательно подбирал слова. До бегства из Ирака он служил на незначительной должности в Национальной разведывательной службе (INIS) – причем уже с 2013 года был завербован ИГИЛ и прилежно выполнял его поручения. Пару месяцев назад за ним пришли люди из Комитета национальной безопасности, пришлось отстреливаться, бежать – благо семья уже находилась в укромном месте. Талеб был ценным кадром, разбрасываться такими не позволялось. Его с семьей переправили в Мосул, а когда над Мосулом сгустились тучи – в сирийскую Ракку. «Я буду на вас работать, – однажды заявил Талеб. – Буду делать все, что скажете – исправно и по науке. Это не сложно, – невесело усмехнулся он, – поскольку моя семья останется у вас. Это все, что у меня есть... кроме Аллаха. Но вы обязаны гарантировать ее безопасность. И второе: я не смертник»... Он действительно безумно любил свою семью – черноволосую и черноокою красавицу Батуль, при виде которой у охраны неудержимо текли слюнки, шестилетнюю малышку Зухру – вылитую копию мамы с повадками папы...

Сайдулла покинул подвал, вошел в свою комнату и задумался. Смертников в команде не было – да этого и не требовалось, людей мобилизовали на долгую плодотворную работу. И семьи их будут в порядке, пока не исчерпают свой потенциал. Печально признать, но в последнее время на фронтах у Исламского государства больших успехов не было. Наступательные операции в Сирии и Ираке глохли, едва начавшись. Резко снизился поток добровольцев. Турция и смежные страны перекрывали лазейки, по которым шли добровольцы. Их хватали, бросали за решетку, в редких случаях прогоняли обратно. Алеппо сдали. В Мосуле пока держа-

лись, но лишь благодаря тому, что ясно дали понять иракским генералам: не надо спешить со штурмом. Отбитие Пальмиры оказалось локальным успехом. Все, конечно, радовались, прославляли Аллаха и его храбрых воинов, бросались крушить оставшиеся в Пальмире древние памятники. Но всем понятно, что это вопрос времени: подтянутся сирийские войска, договорятся с российской авиацией – и покатаются в обратном направлении доблестные воины Аллаха! Под Дэр-эз-Зор на днях понесли колоссальные потери. Российские СМИ хвастливо заявляли о более чем 650 убитых боевиках. Про 650 убитых, конечно, загнули, но триста положили точно, а еще не меньше сотни раненых и обгорелых, большинство из которых пришлось добить. Тридцать единиц тяжелой и средней техники! Одним словом, начинались нелегкие времена. Руководство государства призывало менять тактику. Бить неверных на их территории, чтобы земля горела под ногами! Увеличить количество засылаемых в Европу групп, обращать внимание на качество подготовки, на оснащение, скрупулезно (но быстро) планировать каждую акцию, не жалеть средств на подкуп должностных лиц...

Сайдулла вытянул ноги на походной кровати. Оказалось, что напрасно. На аппарат спутниковой связи поступил вызов. Устройство могло связаться лишь с одним абонентом, и трудно представить специалиста, способного взломать этот защищенный канал связи.

– Добрый вечер, Сайдулла, – прозвучал в трубке ровный приглушенный голос.

– Добрый вечер, мистер Бахмус! – Сайдулла поднялся. Непроизвольно свело челюсть. Больше всего на свете он ненавидел, когда ему давали указания. Но в данном случае это было неизбежно. Абонент говорил по-английски – причем без всякого акцента.

– Надеюсь, у вас все в порядке? Я слышал, сегодня в Аль-Саиде произошел... досадный инцидент?

– Ошиблись адресом, мистер Бахмус, – проворчал Сайдулла, – больше не придут.

– Хорошо. – Собеседник говорил ровно, словно на диктофон. – С нашими подопечными тоже все в порядке, мистер Сайдулла?

– А почему вы спрашиваете, сэр? Вы же знаете... – не удержался от легкой шпильки Сайдулла.

– Да, действительно... – холодно рассмеялся тот. – Виноват, по правилам хорошего тона должен был спросить. А далее без шуток, мистер Сайдулла. Переправка назначена на завтра, постарайтесь все подготовить. Ваша группа должна следовать полным составом, с женщинами и детьми. Посторонние не допускаются. Озаботьтесь документами и внешним видом. Транспорт будет, о последовательности пересадок сообщат отдельно. Как вы понимаете, ваша группа под видом беженцев отправляется в Европу.

– Могу я спросить насчет конечного пункта?

– Германия, – усмехнулся собеседник, – небольшой городок недалеко от границы с Францией. Впрочем, сомневаюсь, что это будет конечный пункт. Пока это не важно, мистер Сайдулла. Не будем гнать тень впереди нас. Вы обо всем узнаете раньше своих людей. И тогда мы охотно выслушаем ваше мнение, которое очень ценно для нас. На данный момент пожелания следующие: подготовьте группу к десяти утра, и чтобы никто не разбежался. Документы – только на этап путешествия. На месте члены группы получают новые.

– Хорошо, я понял, – проворчал Сайдулла. – Вы проработали то, о чем я вас просил?

– А-а, по поводу человека от наших врагов... Разумеется, мистер Сайдулла, такую тему мы не могли пропустить. Можете не волноваться, доверьтесь нашим людям. Они все сделают. Ваша задача – оградить членов группы и их семьи от общения с кем бы то ни было. Поймите пожелание буквально: никакого общения, НИКАКОЙ возможности передать наружу послание. Вас с помощником тоже жду в Европе. Вы же любите Европу, мистер Сайдулла? Езжайте отдельно – вашу группу мы проконтролируем сами.

– Я понял, мистер Бахмус. Да пребудет с нами Аллах...

– Ах, оставьте эти глупости! – засмеялся собеседник. – Мы же современные люди, не так ли? – и тут же разъединился.

Сайдулла чуть ли не с ненавистью посмотрел на телефон. Что такое Бахмус? Разумеется, не фамилия. Представитель некой засекреченной группы лиц, штаб-квартира которой предположительно находится в Лондоне. Там терактов не будет – может пострадать с таким трудом выстроенный бизнес. Кто они такие? С ними свело руководство, и Сайдулле, если честно, было плевать. Лица влиятельные и не имеющие отношения к Аллаху. Банкиры, военные, представители крупного бизнеса? Апологеты «нового порядка», основанного на страхе и казнях? Или это часть бизнеса – сделка с Исламским государством? Они используют ИГ, ИГ использует их, и пока все довольны. Кто выиграет в итоге – покажет время. Похоже, заработал маятник...

Глава вторая

Мансур Хамиль проснулся на рассвете оттого, что сердце его беспокойно билось. Электронные часы показывали начало шестого. Он подался к супруге, ощутил ее теплую кожу и облегченно вздохнул: на месте его любимая Виам... Женщина застонала во сне, тоже машинально стала ошупывать его колено. Мансур затаил дыхание, будить жену не хотелось, рано еще. Он откинулся на спину и, глядя на потолок, по которому ползали слабые блики от электронных часов, приводил в порядок дыхание. Он постоянно испытывал это беспокойство, а сегодня оно достигло пика. Никогда не думал, что подвергнется приступам клаустрофобии. Хоть бы одно окошко в «номере», чтобы увидеть рассвет – пусть двор, пусть забор, но только не эти бездушные бетонные стены...

– Мансур, ты не спишь? – прошептала женщина. Она повернулась, прижалась к его боку. В полумраке поблескивали большие красивые глаза.

– Спи, Виам, – прошептал он, погладив ее по щеке. – Еще есть время, все хорошо, спи...

– Тебя что-то беспокоит, Мансур?

Парень молчал. Он не был бойцом, даже драться не умел! Он воистину исчезающий вид – представитель очень тонкой прослойки иракской интеллигенции, обычный специалист в области IT – пусть и не лишенный определенных задатков. Единственный шанс – вырваться в другой мир, начать новую жизнь, сделать счастливой свою жену – он использовал безобразно!

– Зря ты согласился работать на этих людей, Мансур... – прошептала Виам. – Ты же знаешь, кто они такие...

Шептать на ухо – еще ничего, а вот говорить громче – боже упаси! Он не вчера родился, понимал, что стены имеют уши.

– Ты же знаешь, милая, мне предложили работу в Европе – за хорошие деньги. Я не шахид, они это прекрасно понимают, и бегать с автоматом не буду. Я только и умею что давить кнопки на клавиатуре... Они клялись, что это будет нормальная работа, мы получим за нее пятьдесят тысяч евро. У нас будет статус беженцев – ты понимаешь, что это значит? Получим вид на жительство, например в Испании, где климат немного похож на наш сирийский, снимем домик на берегу моря, будем спокойно жить, рожать детей, я легко найду работу с хорошей зарплатой. Через несколько лет мы приобретем собственное жилье. Ты же хочешь много детей?

– Милый, ты постоянно об этом говоришь, и иногда я тебе верю... – обняла его тонкими ручками Виам. – Но на самом деле я очень всего боюсь... Это страшные люди, они не знают жалости даже к тем, кто на их стороне... Ты не можешь быть уверен, что это обычная работа...

– Не волнуйся, родная, мы справимся... В любом случае мы вырвемся из этого ада в хорошую страну. Оставаться в Ираке, в Сирии – это нищета и унижение, постоянная опасность, страх смерти... Попадем в Европу – там что-нибудь придумаем...

– Мансур, прости меня, но ты просто глупый... – Он почувствовал ее слезы у себя на виске. – Ты будешь делать все, что прикажут, сделаешь одну работу, заставят делать другую – я даже боюсь представить, какая это работа... И ты не посмеешь им возразить. Знаешь, почему? Потому что я останусь у них – ты будешь работать, а я буду жить под прицелами их автоматов и терпеть их сальные шуточки... И остальные, что здесь живут, – тоже будут привязаны к своим семьям... Пообещай мне, Мансур, что, если такое случится – забудь про меня, беги, начинай новую жизнь...

– Что ты такое говоришь, глупая женщина? – Он чуть не закричал, но вовремя прикусил язык. – Я никогда не оставлю тебя в беде, ты моя жизнь, Виам...

– Тогда не спорь с ними, делай все, что скажут, веди себя смирно, а то убьют... Хоть это ты можешь мне обещать?

Он что-то обещал, гладил ее, обнимал, а у самого сердце сжималось от тоски. Почему он уродился таким «тонкокожим», не может постоять за свою семью? Разве это характерно для мужчины с Ближнего Востока? Хотя, возможно, именно за это его и полюбила чудесная девушка, мать которой шила одежду, а отец работал смотрителем античного музея. Они немного успокоились и снова заснули, крепко обнявшись.

А в девять утра едва успели заправить постель, как на пороге вырос нахмуренный Сайдулла. Сердце ушло в пятки. Что случилось? Чувствительная аппаратура слышит шепот?

– Поздравляю, Мансур! – торжественно объявил Сайдулла. – Сегодня вы едете в Европу. Надеюсь, путешествие вас не утомит. Позавтракайте, приготовьте вещи, через час подойдет автобус.

И отправился дальше сообщать удивительные известия. Виам тяжело задыхалась, снова прижалась к Мансуру...

К десяти утра вся шумная многоголосая ватага высыпала во двор. Это был какой-то цыганский табор! Возбужденный Башир Фарук покрикивал на своих домашних. Они тащили баулы, сумки. Надрывалась худосочная Амаль, дочь Айгуль помогала ей нести вещи. Под ногами вился четырехлетний карапуз Ислам и тоже пытался что-то схватить, помочь своей семье – однако доставлял лишь неудобства. Карим Талев сам волок свои баулы, поручив жене транспортировку зевающей Зухры. Оба сына Абу Каббара – Уман и Дави, – забросив баулы в автобус, кинулись драться за место поближе к водителю. На них покрикивал бывший сотрудник саадамовской разведки Али Шариф – они путались под ногами и мешали сохранять достоинство. На веселящихся детей с печальной улыбкой смотрела Хануф – супруга Али. Она еще не смирилась с тем, что два месяца назад потеряла ребенка.

Автобус подали отнюдь не туристический. Старый ободранный «Хендэ» без багажного отделения. Люди занимали свои места. Шум стоял, как на багдадском рынке в базарный день. Водитель в камуфляже был вооружен автоматической «береттой». И в кабине на крючке висел снаряженный «АК-74». Сопровождающих было двое – мужчина и женщина. Оба в защитном. Мужчина имел представительную «бородатую» внешность, женщина закрывала лицо черным платком с золотой оторочкой – лишь поблескивали пронзительные карие глаза. До границы в этой охране не было ничего необычного. Документы сдали сопровождающим. Бумаги были подлинными, из них не явствовало, что большинство присутствующих мужчин когда-то служили в силовых структурах.

Сайдулла не вышел, чтобы проводить своих подопечных. Но его незримое присутствие ощущалось буквально кожей. Зато появился его помощник – коренастый Гази Хабир, он стоял у крыльца, сунув пальцы в карманы пустого тактического жилета, и провожал глазами уходящий автобус. Выехавший из переулка открытый джип, набитый вооруженной публикой, возглавил процессию. А когда уже покинули поселок, сзади пристроился пикап с пулеметной установкой. Маленькая колонна двигалась на север, погружаясь в каменистую пустыню...

Мансур и Виам сидели сзади – их места возвышались над остальными. Пришлось тесниться – всю «корму» завалили вещами. Тарахтел двигатель, чадила выхлопная труба. Зад автобуса нещадно подбрасывало, и вещи норовили куда-то свалиться. Хныкали дети – шестилетние Уман и Зухра, тер воспаленные глаза и плакал крошка Ислам. Мужчины ругались на жен – чтобы уgomонили детей, пока их тут всех не высадили! Женщины принимали меры – в основном физического характера. Бородатый мужик, сидящий за водителем спиной к салону, ухмылялся, а когда ему все надоело, он свел мохнатые брови и грозно рявкнул: «А ну, заткнулись все!» Временно установилась тишина.

В автобусе было душно, кондиционер отсутствовал, а воздух с улицы был горячим и сухим. Охранница сидела в голове салона и с ехидцей поглядывала на Мансура и его «половину». Коготки, выкрашенные прозрачным лаком (который Аллах, очевидно, должен стерпеть), постукивали по затворной раме китайского «АКМ». Иногда она подмигивала, и Мансур

готов был провалиться сквозь землю. Но они с Виам терпели и молча смотрели в окно. Пейзажи в этой части страны (как, впрочем, и в любой другой) не отличались живописностью. Каменистая пустыня, овраги, редкие возвышенности, еще более редкие населенные пункты, не подающие признаков жизни. Автобус ушел с дороги, скатился в петляющую покатую лошину и запрыгал по камням. Когда он выбрался из лощины, пустыня вокруг него закончилась. Замелькали скалы, небольшие скопления ливанских кедров. Турецкую границу пересекли незаметно, не прошло и двух часов. «И для чего нужны тысячи пограничников, собаки, хитроумные приборы, колючая проволока?» – недоуменно думал Мансур. На скалистом участке, где дорога петляла между глыбами и крутыми обрывами, проезд им перегородил микроавтобус с турецкими номерами. Вылезли двое – на вид турки, один постройнее, другой плотный, усатый, вальяжный, с оттопыренным карманом в кожаной безрукавке. Несколько минут сопровождающие вели переговоры с турецкой стороной. Видимо, встречались они не впервые – первого люди Сайдуллы величали Батуром, второй откликнулся на имя Селим. Переговоры завершились, вся компания направилась к «Хендэ». Вальяжный тип сунулся в салон, покачал головой:

– Хороши, бродяги... Ну и чего уставились, словно всех лишили единственной почки? Не бойтесь, на органы забирают в другом месте. – Он засмеялся, но тут же переменялся в лице и рявкнул: – Чего сидите? Быстро перегружаемся! Мустафа, Азиза, где вы этих полумертвых достали?

Мужчины-пассажиры устремились наружу, женщины и дети стали выбрасывать вещи...

Последующий этап путешествия оказался утомительнее предыдущего. Мустафа с Азизой дальше не поехали, передали «эстафетную палочку» туркам, явно связанным с ИГИЛ (или с организацией, представляемой мистером Бахмусом). Батур крутил баранку, усатый Селим сидел у него за спиной, поплеывал в окно или что-то просматривал в телефоне. Судя по солнцу, машина шла на запад – вдоль границы. За окном простиралась безопасная Турция – аккуратные поселки, яркие автозаправки, современные магазины. Несколько раз выезжали на асфальтовую дорогу. Пришлось остановиться, вступить в спор с местной долгожительницей, перегоняющей через дорогу стадо коз. Расстреливать соотечественницу турки постеснялись, терпеливо ждали. Несколько раз замечали автобусы с беженцами – они тоже шли окольными тропами. Возможно, это были настоящие беженцы – бизнес давно поставил на поток. Машину не останавливали, хотя несколько раз проезжали полицейские посты. «Видимо, неспроста», – думал Мансур, провожая глазами новенькие машины с надписью «Полиция». Виам уснула у него на плече, путешествие окончательно вымотало ее.

Ехали долго. Несколько раз останавливались. Дважды перекусывали в придорожных заведениях – в этот час там не было клиентов. Детей держали в кучке, не давали разбежаться – страх перед хозяевами работал как швейцарские часы. Сопровождающие не выпускали подопечных из поля зрения. Ближе к вечеру еще раз остановились, поужинали. Турки сверлили глазами мужчин, а местные парни, с которыми у них имелась договоренность, прохаживались вдоль дороги с выразительно оттопыренными карманами. Мансур сидел под навесом, смотрел в печальные глаза Виам. Она сидела напротив, ковырялась ложкой в холодном супе и что-то беззвучно шептала. Мансур читал по движениям губ: «Милый, убегай. Убегай скорее, потом уже не сможешь. Забудь про меня, я все равно буду тебя любить»...

К вечеру въехали в небольшой приморский городок. Зона явно не курортная. Тряслись по узким улочкам, сползающим к морю. Селим приказал задернуть шторы. Название городка не афишировали. Али Рашид поинтересовался у охранника, где они находятся – тот проигнорировал вопрос. Дети и женщины уже засыпали. Мансур чувствовал, как подрагивает локоть Виам. Все сильнее ощущался резкий йодистый запах. Пахло рыбой, воняли свалки пищевых отходов, мимо которых проезжал автобус. Поскрипывали снасти рыбацких судов, пришвартованных у причала. Ночь была безлунной, накрапывал дождь. Автобус забрался на дощатый пирс, двери раскрылись, и послышалась приглушенная команда турок. Стали будить хныка-

ющих спросонья детей и вытаскивать их из автобуса. Перегрузка на утлый рыбацкий баркас заняла несколько минут. Люди волокли свои баулы по неустойчивому трапу, прыгали на палубу. Она скрипела, уходила из-под ног. Вместо комфортных кают всех разместили в зловонном трюме с ворохом нечистых матрасов. От запахов, царящих там, можно было сойти с ума. Моряки не грубили, но и не были излишне учтивыми – просто выполняли работу, за которую им заплатили. Это была компактная рыболовная шхуна, оснащенная парусом и мотором, работавшим пронзительно и взახлеб. Начиналось самое муторное – морское путешествие вдоль побережья Турции и Греции...

Мансур лежал на зловонной мешковине, обнимая Виам, забывшуюся сном. Скрипела и ходила ходуном судовая конструкция, стонали люди, кого-то рвало. Кто-то из мужчин периодически молился – упрашивал милосердного Аллаха смягчить тяготы земной жизни. Если не для себя, то хотя бы для женщин и детей! Им столько всего пришлось пережить! Покачивалась тусклая лампочка, свисающая с потолка. Было холодно – люди жались друг к другу. В открытую крышку люка над головой заглядывали далекие холодные звезды...

Утром люди отходили от беспокойного сна, кашляли, молились, извлекали из баулов последнюю еду и воду. Выбираться из трюма команда запретила, а потом и вовсе крышка люка со скрежетом захлопнулась – видимо, к борту рыбацкого баркаса подошел пограничный катер. Доносились лающие голоса, кто-то смеялся. Но все кончилось благополучно, в трюм никто не заглянул. Потянулись долгие часы. Мужчины почти не общались друг с другом, смотрели косо. С прошлой жизнью покончено, начиналось что-то новое, неизведанное, явно связанное с продажей души дьяволу...

Днем морское путешествие закончилось. Это было уединенное скалистое местечко в материковой части Греции. Крутые обрывы, глыбы камней в воде. С пирса высоко в скалы вела сомнительной прочности лестница. «Слава Аллаху, мы в Европе...» – возбужденно пыхтел Али Рашид, волоча по пирсу свои баулы. Он вырвался вперед, остальные еле поспевали за ним. Люди ослабели, всех качало. Объявились новые сопровождающие, теперь уже с греческой внешностью, но тоже при оружии, с брезгливо поджатыми губами. Они торопили людей, поглядывали на часы. Остался в прошлом причал, затерянный в скалах, «беженцы», отдуваясь, полезли в гору. Наверху, у симпатичной оливковой рощи, их поджидал очередной микроавтобус.

Дальнейшая поездка сильно отличалась от туристско-ознакомительной. По приказу сопровождающих задернули окна, и о красотах материковой Греции оставалось только догадываться. Когда кто-то пытался отогнуть шторку, на него тут же шипел плечистый сопровождающий. Остановок не делали. «Беженцам» выдали воду и дешевые продукты в пластиковой упаковке – какую-то лапшу, сухие овощи. В задней части за загородкой имелся биотуалет – для многих нечто диковинное и решительно неприемлемое. Люди просили водителя остановить, но остановки в планы не входили. Хотели в Европу? Вот и пользуйтесь «благами» современной цивилизации! Дети быстро приучились к «чуду инженерной мысли», а мужчинам приходилось насильно тащить своих жен за загородку, охранять, чтобы не сунулся кто-то посторонний.

Мансур украдкой разглядывал людей, в компании которых оказался. Женщины и дети не волновали – обычные женщины и дети. На мужчин поглядывал настороженно. Он давно ощущал себя в этой компании «белой вороной». Эти люди были из армии, из спецназа, из разведки – от них за версту несло силовыми структурами. И не важно, в какой армии они служили – в сирийской, в иракской. У этих людей особые взгляды. С ними, как с собачьими, лучше не пересекаться. Выделялся Абу Каббар – рослый, немногословный. С ним не спорила даже жена Гузель (у бедняжки еще не прошла припухлость под глазом – явная расправа с «ростками демократии»). Сдержанный Карим Талеб. Такое ощущение, что этот парень усердно занимался аутотренингом – внушал себе спокойствие и только спокойствие. У него это получалось – впрочем, и жена его Батуль была «тихой мышкой», и дочка Зухра не отличалась буй-

ным нравом. Этот парень был себе на уме. Несколько раз Мансур замечал на его небритых губах загадочную ухмылку. Али Рашид тоже не отличался холерическим нравом, но поворчать любил – на тихую супругу Хануф, на неудобные жесткие сиденья. Глухо рыкнул на 10-летнего Дави, сына Абу Каббара, когда тот добаловался до того, что огрызок яблока прилетел Али в затылок. Мальчуган мгновенно спрятался за папку, а Али и Каббар уставились друг на друга, как два петуха. Впрочем, не стали конфликтовать, пофыркали и отвернулись под насмешливым взглядом мускулистого грека. Один лишь Башир Фарук был вспыльчив и эмоционален. Но и ему приходилось себя сдерживать. Он загонял свои эмоции внутрь, часто закрывал глаза, шептал молитвы.

К вечеру произошло что-то непонятное. Автобус неожиданно съехал с дороги, несколько минут петлял, а когда остановился и людям приказали выходить, оказалось, что они находятся в лагере беженцев с Ближнего Востока, построенном на границе с Македонией! Женщины и дети жались друг к другу, а мужчины стали возмущаться. Но все протекало по кем-то составленному сценарию.

Площадь лагеря составляла несколько гектаров. Палатки, узкие проходы, горы вещей. Лагерь охраняли полицейские с собаками. С севера территорию ограничивали бетонные столбы с металлической сеткой и колючей проволокой. Там же находился временно закрытый КПП, у которого митинговала толпа. На македонской территории прогуливались люди, одетые в штатское, с нарукавными повязками – добровольцы из местного «ополчения», борцы с нелегальной миграцией. Среди них мелькали корреспонденты, вели фото- и видеосъемку. До прибывших никому не было дела – на вид такие же беженцы, которые прибывали постоянно. Виам втянула голову в плечи, в страхе озиралась. Мансур украдкой держал ее за руку. Только бы не потеряться в этом гаме! Абу Каббар допытывался у невозмутимого грека: что происходит? С равным успехом мы могли бежать на «общих основаниях», как и все эти люди! Грек спокойно отвечал: так надо, так решило руководство. Ничего страшного, проведете ночь в палатке, а утром продолжите путь по своему «эксклюзивному» маршруту.

Всех обуюло неприятное предчувствие. А кого-то из присутствующих – **ОЧЕНЬ** неприятное. Но выбора не оставалось, и бежать было некуда. Их затолкали в огромную угловатую палатку, переполненную беженцами. Под этим «шатром» нашли пристанище не менее ста душ. Примитивные раскладные кровати стояли очень тесно. На всех кроватей не хватило – использовали деревянные поддоны, чтобы не холодило от земли (в середине марта даже на юге Европы сохранялась прохлада), а сверху на них укладывали надувные матрасы. Спальные места для группы нашлись в дальнем конце палатки – пришлось согнать парочку «посторонних». Дорога измотала всех, и люди растянулись на матрасах, укрывшись пыльными одеялами.

И снова Мансур вертелся и не мог уснуть. В конце концов, Аллаху виднее. Он будет просто плыть по течению! Здесь находились не только арабы – были афганцы, были выходцы с африканского континента. Даже к ночи гул не унимался. В тусклом свете сновали фигуры, переплетались в причудливые тени. Кто-то стонал, ругался, требовал доктора. Кто-то жаловался собеседнику: уже две недели мурыжат в этом лагере! Приятеля с семьей на днях выгнали, депортировали обратно в Судан, как будто там он сможет что-то заработать! С таким трудом перебрались через Ливию, через Средиземное море... Люди умирают от голода, от холода, а европейские страны делят квоты на прием беженцев и никак не могут прийти к согласию! Трое уже умерли в этом лагере! «Нас здесь никто не любит, – тоскливо думал Мансур. – У них своя жизнь, куда мы все лезем со своими чуждыми для них нравами и обычаями?» Из Интернета он знал, с каким скрипом идет прием беженцев. Знал, с каким воодушевлением свежее испеченные беженцы пополняют криминальные сводки, как чувствуют себя хозяевами, требуют исключительного к себе отношения. Знал, какое свинство его собратья по вере затеяли на Рождество в Кельне – тогда насилию и домогательствам подверглись не менее полутора тысяч немцев! И

ведь все сходило с рук. Закрывали глаза, корректировали статистику – а все потому, что Ее величество Толерантность правит Новым и Старым Светом!

Утро началось с форменного ужаса. Очнулись в семь утра от вопля в исполнении какой-то толстой негритянки. Женщина орала так, что позавидовала бы полицейская сирена. Оказалось, что на крайних матрасах лежат два мертвых окровавленных тела! Беднягам во сне перерезали глотки – да так мастерски, что не очнулись даже те, кто находился рядом. Кровь уже высохла, лица бедняг вспучились, глаза вылезли из орбит. Их с трудом узнали. Али Рашид и его молодая жена Хануф! Их баулы, вывернутые наизнанку, валялись рядом...

Заплакали дети, заголосили женщины. Виам, закрывая лицо и рыдая, шептала, что это могло случиться и с ними! Мансур заставил ее отвернуться, шептал слова утешения, хотя у самого тошнота стояла поперек горла. Мужчины обступили мертвецов и с любопытством разглядывали их. Прибежали разгневанные европейцы, медики с носилками. Представитель полицейского управления угрюмо посматривал на всех. Проводить полноценное расследование никто не собирался – обычная «бытовая» поножовщина, но соблюсти видимость процедур должностные лица обязаны. Прибыли другие полицейские, стали осматривать место преступления, опрашивать очевидцев. А люди, распозаваясь по лежанкам, твердили одно и то же: мы спали, ничего не видели. Прибывших из Аль-Саида почему-то никто не допрашивал. Они сидели тесной кучкой, злобно смотрели на происходящее. Мертвецов накрыли и унесли. Потом опять разгорелась шумиха. К полицейским подошел какой-то невзрачный тип, похожий на афганского пуштуна, и начал что-то говорить, воровато блуждая глазами. Проблема перевода, видимо, не стояла. Полицейские насторожились, кинулись за «пуштуном» в другой конец палатки, где шла драка. Похоже, нашли виновного. У преступника обнаружили нож! Он сам его выхватил, начал махать перед носом представителя законности. Это был араб, глаза его затравленно метались. Убивал ли он кого-то минувшей ночью, неизвестно, но все сложилось крайне удачно. Он так махал ножом, что порезал руку одному из полицейских, и пришлось применить электрошок. Но араб все равно брыкался, когда его вытаскивали из палатки. «Свидетель» с пуштунской внешностью быстро пропал, никто его больше не видел. Да и группа «беженцев» в лагере не задержалась. Прибыли знакомые греки с «узи» под мышками, стали подавать нетерпеливые знаки. Из палатки обнаружился дополнительный выход, затянутый шнурком. Людей погнало к КПП, служащие которого вдруг потеряли к ним всяческий интерес. Только члены дружины по борьбе с мигрантами смотрели на них с презрением. Тринадцать человек с вещами в мгновение ока оказались на территории Македонии, о существовании которой многие даже не подозревали! С обратной стороны у КПП стоял автобус. По команде старшего, «беженцы» начали занимать места. Подъехала машина миграционной службы. Из автобуса вышел зеваящий шофер, показал бумагу представителю государственной структуры. Тот сухо кивнул, отдал честь, и через мгновение машина испарилась.

Измученные люди спали без задних ног. За окнами проплывали сельские пейзажи бывшей Югославии, Венгрии, Австрии. Дороги были идеальными – даже в сельской глубинке. Большие города объезжали стороной. Сопровождающие общались между собой на каком-то восточноевропейском языке. Один из них – небритый, стриженный почти «под ноль», вождь-ленно поглядывал на Виам, пренебрежительно – на Мансура, но так и не решился ни на что.

Снова ночь, утро. Австрийские дороги, далекие Альпийские горы слева по курсу... Снова биотуалет, раздача упакованных продуктов, воды. Измученные дети почти постоянно спали. На автозаправках пассажиров не выпускали даже размять ноги. Документы ни разу не проверяли. На австро-германской границе, которая являлась лишь условной линией, пассажиров выпустили из автобуса – но лишь затем, чтобы пересадить в другой! Вместительный черный минивэн с «благородной» звездой «Мерседеса» на капоте! Остаток пути люди ехали в комфорте – хотя уже окончательно утратили представление о том, где находятся.

Финальной точкой маршрута стал городок Альцбург в земле Баден-Вюртемберг – в 15 километрах от французской границы, между Фрайбургом и швейцарским Базелем. Типичный старый городок, сконцентрированный в долине между лесистыми холмами. Много зелени, парков, узкие булыжные улочки между старинными кирпичными и каменными домами. Черепичные крыши, купола католических церквей, окрашенные в бирюзовые и темно-малиновые цвета. По городу змейкой вилась небольшая речушка – и через нее лишь в черте города было переброшено не менее десятка мостов. Впрочем, пассажирам все это было неведомо. Они не представляли, где находятся. Все окна в салоне были плотно задернуты, кабину отделяла непроницаемая стена, а тяжелые взгляды охранников полностью отбивали охоту нарушать табу. Машина въехала на тесную Гюнтерштрассе, застроенную трехэтажными домами в стиле фахверк, свернула в переулок за ухоженным сквером и вскоре проехала мимо решетчатых ворот, которые «самостоятельно» за ними закрылись. Хвойные деревья закрыли машину от взоров с улицы. Вечнозеленая «маскировка» работала круглогодично. Небольшой проезд через зеленые насаждения – и распахнулся старый двухэтажный особняк с затейливыми балконами и остроконечными башенками – какой-то театральный, кукольный...

Но здесь все было серьезно. Особняк и территория вокруг него принадлежали организации, которая предпочитала себя не афишировать. Документы на недвижимость были оформлены через подставных лиц. За периметром наблюдали невидимые глазу видеокамеры. Строгие таблички предупреждали о нежелательности пересечения границы частной собственности. По участку ходили люди в штатском с доберманами на поводках. В доме особой роскоши не наблюдалось – все было строго, удобно, функционально. Гостиная на первом этаже, бильярдная комната, библиотека. Лестница наверх из просторного холла, там располагались гостевые апартаменты – не впечатляющие кубатурой, но чистые и опрятные. Все окна второго этажа были заделаны решетками. За порядком в доме следили безмолвные непривлекательные женщины с азиатской внешностью. «Беженцев» быстро переправили в дом. Охранники переговаривались между собой по рации: все чисто, «хвоста» не было, любопытствующие горожане тоже не отметились. Кому интересен черный «Мерседес», въезжающий в частные владения? Семьи распределили по апартаментам, и женщины и дети легли отдыхать (им запретили выходить из помещений). Мужчинам же, кроме Мансура Хамиля, предложили быстро привести себя в порядок и посетить гостиную...

Особняк усиленно охранялся. В доме имелись потайные схроны, рассчитанные на трех-четыре человека. Имелся запасной выход через сад, и еще один – подземный, через вентиляционную шахту общественного гаража в параллельный переулок. Настоящий хозяин здания – некий лондонский банкир – никогда здесь не был, зато имел грамотных управляющих. Когда отмывшиеся мужчины спустились в гостиную, на улице уже темнело. Мужчина в элегантном темном костюме прохаживался вдоль отключенного камина, заложив за спину холеные руки. На пальце поблескивал перстень с черным камнем. Темные волосы были аккуратно пострижены. Когда он повернулся к вошедшим, у «беженцев» недоуменно вытянулись лица. Сайдулла?!! Его было трудно узнать. Офицер разведки Исламского государства, ответственный за подготовку терактов в Европе, полностью сменил имидж – от тщательно причесанной макушки до сверкающих модных ботинок из дорогого бутика. Он был гладко выбрит, осталась лишь символическая, в виде тонкой полоски, окладистая бородка.

– Сайдулла? – Абу Каббар, сглотив, переглянулся с товарищами. – Удивили, Сайдулла... Вы же остались в Сирии, когда мы уезжали...

Что-то шевельнулось у бархатной портьеры в плохо освещенном углу. Обозначился еще один персонаж в приличном европейском костюме. Заместитель Сайдуллы Гази Хабир тоже сменил внешность, стал похож на преуспевающего турка, которых в Западной Германии чуть меньше, чем в Турции.

– Ты удивлен, Абу Каббар? – вкрадчиво заговорил Сайдулла. – Открою тебе секрет – есть такое сложное техническое приспособление под названием «самолет». А еще придумали регулярные рейсы – из того же Эр-Рияда, например, или Стамбула... В чем повинен перед западной демократией скромный итальянский бизнесмен Серджио Антонелли, ведущий на юге Германии свое маленькое дело, связанное с продажей чистящих средств? И его деловой партнер господин Омар Тунджай – прошу любить и жаловать! Отныне просьба обращаться к нам только по этим именам. – Он пристально посмотрел на людей, собрать которых в Европе оказалось не такой уж простой задачей. – И да пребудет с нами Аллах, братья, пусть Он ведет нас своей мудрой рукой, освещает нам наш тернистый путь...

– Аллах велик... – пробормотал, сделав смиренное лицо, Карим Талеб. – А мы – его ничтожные рабы, да смилостивится Он над нами... Можно спросить, Сай... Прошу прощения, синьор Антонелли? Что произошло в лагере для беженцев? Зачем нас туда привезли, почему погиб Али?

– Все в порядке, братья, так требовала ситуация, – монотонно заговорил Сайдулла, хотя вряд ли эта размеренная бархатная речь могла кого-то убаюкать. – Али Рашид – грязная свинья, работал на русскую разведку – это достоверно установлено. Его супруга работала вместе с ним. Собаке собачья смерть, как говорится... – Он, как бы невзначай, покосился на потолок. – Мы не знаем, как он вышел на нашу группу, но можно сказать с уверенностью: все время, что он находился среди нас, у него не было возможности отправить сообщение. Его руководство не знало, в какую группу он внедрился. Поблагодарим Аллаха, что эта опасность уже миновала... Смерть в лагере для беженцев – перестраховка. Его убил алчный соотечественник, перед которым Али «светил» деньгами и дорогими вещами. Греческая полиция полностью поддерживает эту версию, и мы ей крайне благодарны. Русские могут думать что угодно – след нашей группы они уже потеряли.

– Мы поняли, синьор Антонелли, – покладисто кивнул Абу Каббар. – Можно узнать, где мы находимся?

– Альцбург, южная Германия, земля Баден-Вюртемберг. Недалеко французская граница. Это все, что вам надо знать. Старайтесь не проявлять любопытства. Горничных не донимать – они все равно ничего не скажут. А вам избыточная любознательность может навредить. Здесь наша штаб-квартира, братья. Сюда вас будут привозить и отсюда увозить. Здесь вы будете отдыхать после работы, планировать операции, здесь вы будете жить со своими семьями... в свободное от командировок время. Надеюсь, все понимают, что ваши семьи при любом раскладе останутся здесь, и если у кого-то вдруг возникнет недостойная мысль... Прошу прощения, – изобразил он сочувствующую мину, – я знаю, что у вас никогда не возникнут подобные мысли... однако должен предупредить. Завтра вас сфотографируют, и послезавтра получите документы граждан Германии. Документы будут качественные, но просьба не забывать, что это фальшивка. Что вы скажете про Мансура Хамиля?

Вопрос был неожиданным, мужчины переглянулись.

– Сопливый мальчишка, хозяин, – пожал плечами Абу Каббар. – Сдаст нас со всеми потрохами, если его хорошенько припугнут. Не воин.

– Даже под страхом казни его жены? – ехидно усмехнулся Сайдулла.

– Он очень любит свою птичку-невеличку, – подхватил Карим Талеб. – Да, он пуглив, нерешителен, духовно слаб, и все же он любит свою девчонку больше жизни.

– А еще он гениальный компьютерщик, – напомнил Сайдулла. – И из любого кафе, сидя там с планшетом, может отключить защиту хоть атомной электростанции, не говоря уж про обыкновенную.

– Пойдет ли на дело этот чертов гуманист, узнав о количестве предполагаемых жертв? – задумался Фарук. – Конечно, пойдет, никуда не денется, зная, что мы убьем его Виам...

– Но будет нервничать, переживать, в итоге провалится сам и нас потянет за собой, – фыркнул Абу Каббар.

– Тогда используем этого заморыша втемную, – улыбнулся Сайдулла. – Втемную ставим задачи, относимся мягко. Виам наши работницы должны окружить заботой, выполнять все ее прихоти. Чтобы никаких скабрзных взглядов, намеков. Можно сводить ее под охраной в ближайший торговый центр – пусть почувствует дух свободы. Ну хорошо, с парнем я сам поговорю, настрою его на нужную волну. Вы трое пока отдыхайте. Здесь есть бассейн, спортзал, проводите время с семьей... Прошу вас еще раз понять и прочувствовать, братья, – пока вы качественно выполняете свою работу, ваши родные будут жить припеваючи. Вы не шахиды, но в случае вашей героической смерти их обеспечат всем необходимым. Разумеется, никто не собирается жить вечно в этом доме. Слишком расточительно, знаете ли, для организации... У каждого будет свое благоустроенное жилье, куда вы будете возвращаться после праведных трудов.

– Прошу прощения, хозяин, – проворчал Абу Каббар, – при всем уважении – давайте оставим в покое эти сказки и перейдем к конкретным вещам. Мы знаем, на что идем. Мы верим в то, что делаем. Гарантируете безопасность семьям – и мы готовы выполнять любую работу во имя Аллаха...

– Тогда перейдем к конкретным вещам. – В руке Сайдуллы возник пульт дистанционного управления. Вспыхнул экран плоского телевизора над камином. Обрисовалась карта. Юго-восточная область Франции, кусочек Италии, Швейцарии, западная часть земли Баден-Вюртемберг с жирно помеченным городком Альцбург. – Вы уже поняли, где мы находимся, – объявил он. – Поставлена задача: провести акцию на южном берегу Франции, в районе города Буллон. – Лазерный указатель прорисовал линию сверху вниз и уперся в побережье Средиземного моря. – Крупный портовый и курортный центр в 80 километрах к востоку от Марселя. Это Прованс, Французская Ривьера, западная часть Лазурного Берега, как называют эту местность неверные, который включает часть Франции, Монако и немного Италии. На восточной окраине Буллона есть парк Гарди – излюбленное место отдыха местных французов и приезжих. Акция назначена на 18 марта – в этот день тамошняя мэрия отмечает очередную дату основания города... Есть вопросы, Карим?

– Это недалеко от Ниццы... – задумчиво пробормотал Талеб.

– Понимаю, к чему ты клонишь, – хмыкнул Сайдулла. – Мы не оригинальны, мы повторяемся... Объясняю. Бомба может дважды попасть в одну воронку. Человек в Ницце прошлым летом работал на свой страх и риск. Психованный единоведец – он все проделал сам. Европейцы считают, что это мы им подложили свинью, но это не так. Пусть считают. А вот сейчас сработаем МЫ. Повторения Лазурного Берега они не ждут. Спецслужбы Франции и Западной Германии работают из рук вон плохо. Жизнь их ничему не учит. В каждом городе надеются, что именно у них ничего не случится. Мы заставим их плясать на горящей земле... – В глазах Сайдуллы заблестел сатанинский огонек. – У нас в запасе четыре дня, достаточно времени, чтобы подготовиться. Завтра к вечеру будут готовы паспорта и банковские карты, с приличной суммой на каждом счету. Вечером выезжаем, чтобы с утра приступить к планированию операции. Будут две машины, чтобы не привлекать внимания. Квартира на улице Рошаль уже ждет – это в пяти кварталах от места проведения акции. Предварительный план таков – обратите внимание на карту. – Он включил увеличение – приблизил побережье Франции. Обрисовались улицы, крупная зеленая зона к востоку от городских кварталов. – Это парк Гарди, одноименная набережная, где традиционно проводятся крупные городские мероприятия. Чуть восточнее – выезд из города, стоянка большегрузных автомобилей, несколько мотелей. Здесь часто останавливаются машины из Германии, Польши, Чехии. Полицейская охрана – несерьезная. С восьми до девяти вечера – уже, естественно, стемнеет – на главной площадке парка у фонтана состоится концерт модной рок-группы, на который ожидается большое количество зрителей.

К этому времени мы должны быть готовы. Разбег – 30–40 минут. Частично – импровизация, частично – твердый план. Абу Каббар выберет подходящую крупнотоннажную машину – разумеется, исправную, – уберет водителей и будет ждать сигнала на въезде в Буллон. Делай вид, что устраняешь неисправность.

– Но сгонят полицию, будут спецслужбы, выставят бетонные блоки... – скептически скривился Каббар.

– Полиции будет не больше, чем обычно на подобных мероприятиях, – отрезал Сайдулла. – Со спецслужбами... не смейся, Каббар. Спецслужбы подтягивают только при наличии сигнала. Бетонных блоков тоже не будет: в парке работают передвижные торговые точки – фастфуд, сувениры и тому подобное. Потребуется проезд для машины с аппаратурой. Они не станут сами себе чинить неудобства. Но полицию сбрасывать со счетов нельзя. Одновременно с Каббаром Башир и Карим добудут легковую машину – вам сообщат, где и какую взять, – и встанут у парка. Мансур Хамиль под присмотром моего человека будет находиться у подстанции, обеспечивающей иллюминацию парка. По сигналу Каббар въедет в город – и напрямик к парку Гарди. Аллею перекроет полицейская машина – таранить ее, отбросить, и вперед по главной аллее. Наша цель – открытая концертная площадка, где неверные будут беситься под сатанинскую музыку. От главных ворот парка – 150 метров. Загнать машину в постройку за сценой – это хлипкая дощатая постройка, разбросать дымовые шашки и покинуть машину, оставив в ней трупы водителей. Если сделаешь все правильно, Каббар, то скроешься в паникующей толпе. Теперь про мобильный отряд полиции, который непременно будет присутствовать. За минуту до появления Каббара Башир и Карим должны отвлечь их внимание. Предлагаю грубо нарушить правила дорожного движения – без жертв, но вызывающе. Уйдете проходными дворами – маршрут определим. Полиция пустится в погоню. Оставьте машину, выйдете на соседнюю улицу, где будет ждать микроавтобус. В этот момент в парке начнется суматоха. Куда ринется толпа? Полагаю, основная масса побежит сюда. – Лазерная указка показала точку на западе зеленой зоны. – Здесь не будет трупов, широкая аллея – и еще одни ворота выводят к городским кварталам. Пусть не вся толпа, но большая ее часть кинется туда. Недалеко от ворот будет стоять неприметная легковая машина с взрывчаткой. Она сработает, когда повалит толпа. Чтобы усилить панику и добавить жертв, Мансур Хамиль в момент появления грузовика отключит подстанцию через переносное электронное устройство или напрямую ее закоротит. Думаю, наш юный дружок под чуткой опекой с этим справится.

– Хороший план, – подумав, согласился Абу Каббар. – При удачном раскладе мы отправим в ад не менее сотни нечестивых. Но предстоит серьезная подготовка на месте. Где добудем взрывчатку, хозяин?

– Не ваша забота, Каббар, – иезуитски улыбнулся Сайдулла. – Взрывчатка уже на месте...

Глава третья

Опрятную, недавно отреставрированную набережную озаряли разноцветные огни – под плафоны фонарей работники муниципальной службы поместили специальные реле с фильтрами. Каждый фонарь теперь напоминал рождественское дерево. Вдоль парапета гуляли люди. Играла музыка, работали прибрежные кафе. Погода баловала – дождь прекратился еще днем, ветер стих. Холодный северный мистраль, приходящий с гор вдоль долины Роны, еще не добрался до побережья. К вечеру разбежались облака, прояснилось. Морские волны с тихим шелестом набегали на галечный пляж, в воде плясали отблески света от фонарей. За парапетом вдоль кромки прибоя тоже ходили люди. Желаящие искупаться еще не заявляли о себе, но к ночи такие лихие желающие могли появиться. Над городом, который простирался к западу от набережной Лежевр, уже взмывали огоньки фейерверков – исключительно частная забава. Большой салют планировался властями на Центральной набережной в 11 вечера.

Сразу за набережной простирался парк Гарди. Клумбы еще не расцвели, но деревья и кустарники уже обрастали мелкими листочками. Клонились к морю приземистые пальмы. В парке произрастали кипарисы, платаны, каштаны, изобиловал декоративный кустарник. У входа в «зеленую зону» несколько музыкантов исполняли что-то невразумительно-этническое. Постукивал африканский барабан, повизгивала дудочка. Музыкантов обступили несколько десятков человек – внимали, делая вид, что им доступен высокий смысл. Из толпы выбрался крепкий мужчина в дорогом темном костюме и наброшенной ветровке. На груди висел фотоаппарат с внушительным объективом. Он был гладко выбрит, пострижен, а очки в тонкой оправе смягчали вызывающую восточную внешность. Мужчина сунул руки в карманы, прогулочным шагом направился в глубь аллеи. В парке былолюдно, на него никто не обращал внимания. Абу Каббар дошел до пересечения с главной аллеей, свернул на нее, двинулся в восточном направлении. Вокруг него смеялись люди. Кривлялся клоун с обезьянкой на плече. За столами передвижного кафе сидела молодежь. Кто-то пил пиво, кто-то безалкогольную газировку. Работала карусель – бегали по кругу лошадки и жирафы.

Любители рок-музыки собирались на центральной площадке парка. Выступление задерживалось – музыканты еще только настраивали аппаратуру. Но людей там уже собралось немало – в основном, конечно, молодежь. Рок-группа, невзирая на «металлическую» подачу материала, позиционировала себя как лирико-романтическую. К арене, на которой музыканты возились с аппаратурой, сходились парочки. Работал киоск с мороженым – к нему выстроилась приличная очередь. Абу Каббар сделал несколько снимков, добродушно (как ему показалось) улыбнулся парочке девчушек со странными прическами, украдкой посмотрел на часы и двинулся по главной аллее – мимо застекленных павильонов, крохотных кафе, лавочек с сувенирами.

Музыка за спиной ударила, когда он выходил через восточные ворота. Пронзительно, словно бензопила, взвыла соло-гитара, затряслась суматошной дробью ударная установка. Зашумела толпа, окружившая сцену, разразилась свистом и аплодисментами...

Проезд к сцене заслоняла только полицейская машина. Ее поставили у ворот поперек аллеи. Люди обтекали ее, словно водный поток каменную преграду. Стражи порядка, с белыми перчатками и в белых перчатках, вальяжно прохаживались вокруг машины. Люди спешили к началу концерта. А пронзительную пилящую прелюдию уже сменил жесткий маршевый ритм – толпе это нравилось, все хлопали, кричали. Полицейские даже не посмотрели на Каббара – выходящие их мало интересовали.

Абу Каббар вышел из парка, пересек дорогу, на которой практически не было машин. Он шел по тротуару, отдаляясь от парка Гарди. Миновал закрытую автомастерскую, небольшой мотель, на котором горела пафосная неоновая вывеска. За кирпичным производственным зда-

нием простиралась парковка – любимое место отдыха водителей грузовых фур. Наметанный глаз не отметил ничего подозрительного. Он ушел с освещенного тротуара – и словно погрузился в другой мир. Здесь стояли несколько тяжелых грузовиков, пара автобусов. В моторе одного из них ковырялся водитель. В стороне курили еще двое. Абу Каббар направился к третьей по счету машине в ряду. Белая кабина – магистральный грузовой автомобиль «Рено Магнум» – 25 тонн, 520 лошадиных сил. Мощь, инерция, напор... Это был седельный тягач с удлиненным полуприцепом. Даже в полутьме махина производила впечатление. Прямоугольная кабина, мощные колеса, стальная рама с решеткой, закрывающая радиатор. В кабине кто-то сидел – мерцал огонек сигареты. Субъект был в единственном экземпляре – видимо, напарник вышел погулять или отдыхал в спальном отсеке. Каббар привстал на цыпочки, постучал. Украдкой глянул по сторонам – все чисто. Кабина открылась, и показалась небритая физиономия.

– Приветствую, брат. – Он нюхом почувствовал «своего». – Извини, что отвлекаю... я тут с краю стою, на ГМС... Ты сам откуда вообще?

– Из Бенгази...

– Надо же, какое совпадение, – засмеялся Каббар. – А мы с напарником из Триполи, возим грузы из Германии в Марсель. Пять лет уже в Европе... Не мое, конечно, дело, но у тебя заднее колесо, кажется, спустило. Ты уж глянь между делом.

– Вот шайтан! – ругнулся водитель. – Все же в порядке было... Спасибо, брат, сейчас посмотрю.

Он затолкал в пепельницу окурки, начал с кряхтением сползать с сиденья. Повернувшись, схватился за поручень. В этот момент Каббар и ударил его в шею ножом. Водитель вздрогнул, захрипел. Разжалась рука, сжимающая поручень, но Каббар был начеку – уже схватил водителя за поясной ремень, затолкал его обратно в кабину. Забрался сам, переволок умирающего за шиворот на пассажирское сиденье и выдернул нож из шеи. Водитель дергался в агонии, заливал кровавой пеной пространство вокруг себя. Пришлось схватить его за шиворот, засунуть под приборную панель, где «соотечественник» благополучно и отдал концы.

– В чем дело? – захрипел сзади проснувшийся напарник. – Эй, Салах, ты чего тут шумишь? Договорились же, мне поспать надо...

Между сиденьями просунулась моргающая физиономия. Небрежное движение – и еще один несчастный захрипел, расплосованный от уха до уха. Каббар оттолкнул его голову назад, чтобы не забрызгал кровью. Он и так уже весь уделался... Кабина была комфортная, с двумя спальными местами. Внутренняя высота в ней такая, что можно стоять, не сгибаясь. Современное управление, максимальный комфорт, дорогая отделка интерьера и даже аудиосистема высшего класса... Двигатель послушно заработал, плавно отжался рычаг, и махина медленно поползла с парковки. Механику, возившемуся с автобусом, это показалось странным, он вылез из-под своего мотора, что-то крикнул. Абу Каббар, плавно выкручивая баранку, приветливо помахал рукой удивленному человеку и надавил податливую кнопку в ухе:

– Я в машине. Включайте Карима и Башира.

– Вас понял, – отозвался Гази Хабир. – Да поможет тебе Аллах, мой брат...

А у парка в это время уже начались события. Микроавтобус с мобильной полицейской группой остановился у светофора, ждал, пока перейдут на ту сторону люди, спешащие в парк. Вдруг какой-то серый «Фольксваген», стоящий перед ним, резко сорвался с места и устремился вперед! Маневр необъяснимый, глупый, решиться на него мог только пьяный. Идущие по «зебре» люди шарахнулись в стороны. «Фольксваген», не доехав до них, резко сдал вправо, запрыгнул на бордюр, где находилась веранда летнего кафе. Заведение не работало, но машина крылом зацепила дощатую стенку, и она частично обвалилась. Это не остановило водителя, он снова сманеврировал, метнулся к переходу и на полной скорости проскочил «зебру». Из окна показалась рука с отставленным средним пальцем. Такой наглости полицейские стерпеть уже

не могли. Микроавтобус, а за ним и второй, взвизгнув сиреной, устремились за нарушителем. А тот неожиданно сбросил скорость и свернул в ближайшую подворотню...

Инцидент позабавил тех, кто был поблизости. Люди продолжали гулять, кто-то спешил в парк, где ритмично играла рок-группа. И незамеченным осталось появление на горизонте большой грузовой машины. «Рено Магnum» шел по дороге, набирая скорость. Слишком поздно люди обратили внимание на этого монстра. Он уже шел на приличной скорости – километров шестьдесят, волоча за собой громоздкий полуприцеп. Вдруг водитель резко повернул налево и устремился через встречные полосы к угловым воротам парка Гарди! Кто-то запоздало закричал. Заскрежетали тормоза – вишневый седан успел остановиться, а вот идущий по соседней полосе хетчбэк смяло в лепешку, отбросило на тротуар. Там готовилась перейти дорогу компания молодежи...

Это было что-то сюрреалистическое! 25-тонный монстр по диагонали вонзился в декоративные ворота, смял несерьезную решетчатую конструкцию, поволок ее кусок перед собой. Люди орали, те, кто успел среагировать, разбежались. Многие даже не слышали, что происходит за спиной, – перед ними на главной аллее гремела музыка! Оторопев, молодой полицейский с ужасом смотрел, как несется на него многотонная громада. Его напарник что-то кричал, рвал из кобуры пистолет. Оба успели отпрыгнуть в последний момент. «Рено» отбросил полицейскую машину как картонку. Он мчался по главной аллее, давя людей, по счастью, их оказалось немного. Разбежались те, кто шел навстречу – успели среагировать.

В этот момент во всем парке погас свет! Потухли фонари, витрины лавочек и кафе. Обессточилась музыкальная аппаратура. И только фары машины-убийцы светили прямо в глаза! Музыканты побросали гитары и, крича душераздирающими голосами, спрыгнули со сцены на землю. Барабанщик запутался в своей ударной установке, повалил несколько барабанов. Разбежаться успели немногие. Грузовик на полной скорости протаранил толпу – греб перед собой орущих людей, как бульдозер ковшем мусор! Он вонзился решеткой в сцену, и неустойчивая конструкция сломалась, опоры вместе со сценой упали, громоздкая аппаратура рухнула. И все это происходило фактически в темноте – только фары продолжали работать. Народ метался в ужасе, не зная, куда бежать. Грузовик прорубил сцену, как ледокол арктический лед, добрался до крытой постройки, снес опору. Все, довольно, стоп, машина! Абу Каббар орал в экстазе, наблюдая, как разлетаются люди из-под колес, как подрагивает махина, наезжая на тела. Все, прибыли! Он потянулся к ременной сумке, стал выхватывать из нее дымовые шашки и, чиркая зажигалкой, выбрасывал их из окон. Все пространство вокруг машины немедленно окутало едким дымом. Кабина грузовика практически полностью въехала в постройку. Никто не видел, как водитель вывалился из кабины и стал пробираться через горы строительного мусора, зажимая нос. Вскоре он примкнул к дезориентированной толпе – тоже метался, растирая слезящиеся глаза, что-то кричал...

Последствия теракта невозможно было оценить в темноте. Кругом валялись люди, стояли раненые. Живые выбирались из-под мертвых, блуждали в прострации, как лунатики. Каббар сместился в сторону деревьев, делая вид, что повредил ногу. Вдалеке включилась полицейская сирена – давно пора. Люди сталкивались, снова падали. Отдельные включали фонари в телефонах. Часть толпы устремилась к восточному выходу. Но бежать приходилось по стонущим и умоляющим о помощи телам. Другие побежали к западным воротам – аллея была свободна. Им навстречу попадались горожане, которым посчастливилось не участвовать в этом кошмаре, они спрашивали, что случилось. Ведь не было ни взрывов, ни стрельбы! Накаркали! Как только паникующие люди стали выбегать на улицу, взлетел на воздух припаркованный у тротуара «Опель»! В багажник нагрузили около пяти килограммов взрывчатки! Взрыв был такой силы, что во всех окрестных домах вылетели стекла. Сталкивались машины, изрешеченные поражающими элементами – гвоздями, гайками, стальными шариками. Людей разметало,

словно ураганом. К счастью, машину подорвали рано – потерпели бы еще несколько секунд, и жертв бы было во много раз больше...

Мансур Хамиль обливался холодным потом. Его трясло, как будто подхватил тропическую лихорадку. Он закутался в одеяло, сжался в позе зародыша – все равно трясло. Где-то рядом беспокойно ворковала Виам, проверяла температуру, пыталась подsunуть какое-то снадобье, даже грела собственным теплом. От этого становилось еще хуже.

– Милая, оставь меня! – бормотал Мансур. – Не лезь ко мне, дай умереть спокойно...

Он вновь переживал весь этот кошмар. Конечно, Мансур понимал, что вряд ли ему поручат легальную работу, от которой станет легко и спокойно на душе. Но то, что его втянут в такой ужас... подобного он представить не мог. «Ты подписался на работу, Мансур, – напомнил перед поездкой Сайдулла. – Ты уверял, что будешь выполнять все поручения в обмен на жительство в Европе. Настал тот час. А теперь вопрос по существу: имеется небольшая электростанция, теплоцентраль или что-то в этом роде. Или еще проще – подстанция, питающая электричеством объекты в городском парке. У тебя есть планшет с выходом в Интернет и копия чертежа данной энергосистемы. Сколько времени тебе понадобится, чтобы обесточить объект, не вставая, скажем, с лавочки в том же парке?» Требовалась пара часов – это максимум, и Сайдулла остался доволен. Заранее выдал копии чертежей, поставил задачу: энергоснабжение парка отдыха Гарди города Буллон, и предупредил: – Никакой связи с внешним миром. Никаких имейлов, социальных сетей и тому подобного. Мы же не хотим, чтобы твои ошибки отразились на красавице Виам?

Мансур с головой ушел в работу. Хоть чем-то занять мятущийся разум! Ему выдали документ, согласно которому он стал Мансуром Хальди – подданным Ее Величества британской королевы. Выдали «пухлую» банковскую карту, с которой он не мог без высшего соизволения потратить ни цента, новую одежду, обувь. Затем – полное нервотрепки путешествие во Францию. Южный город Буллон, странная квартира с несколькими выходами в доме переменной этажности на улице Лежевр... Подельники с ним почти не разговаривали, были молчаливы, много молились. Он боялся спрашивать, что происходит, и, возможно, правильно делал. Все дальнейшее протекало, как в тумане. С ним ходил сопровождающий – серьезный мужчина, от которого он не должен был отходить ни на шаг. Мужчина имел европейскую внешность, представился Майклом. В тот кошмарный вечер, когда горожане праздновали День города, он сидел в кафе напротив парка, пил кофе и увлеченно работал с планшетом. Симпатичная официантка посматривала с интересом – она была такой же «беженкой», как и он. Майкл сидел за соседним столиком, тянул безалкогольное пиво и меланхолично смотрел в окно. Мансур так толком и не понял, что произошло в парке. Он выполнил задание – обесточил линию, питающую парк. Для этого не требовалось много усилий – только чуток подумать, как обойти защиту. Куда девались сообщники, он не уловил и не видел, как тяжелый грузовик прорвался в парк – именно в этот момент он отключил электричество. Потом услышал шум, крики людей. За окном настала темень, в которой мелькали невнятные огоньки. Забеспокоился, забегал персонал кафе, возбудились посетители. Только Майкл сохранял невозмутимый вид и поглядывал на Мансура. Парню стало дурно. Вдруг кто-то заполошно выкрикнул: «Их убили! Их всех убили! Это опять грузовик!» Из парка выбегали люди. Подъехала полиция, за ней – целая вереница реанимобилей. В этот момент прогремел оглушительный взрыв! Рвануло на другой стороне парка, но с такой мощностью, что в кафе зазвенели стекла, а парочка даже треснула. Посетители стали убегать из заведения, персонал куда-то попрятался. Парень по имени Майкл бросил Мансура: пошли! Они удалились из заведения через черный ход. И не только они, многие туда бежали. Майкл кому-то позвонил, и в заднем переулке к ним подъехал микроавтобус. В салоне сидел возбужденный Абу Каббар, какие-то взвинченные Талеб с Фаруком. Машина ушла проходными дворами. На съемную квартиру не заезжали – впоследствии выяснилось, что их вещи уже кто-

то собрал и погрузил в багажник. Машина покинула город – успели вырваться, прежде чем полиция перекрыла трассы. Полночи ехали на север до Дижона, потом группу пересадили в другой минивэн. Границу не перекрывали – к рассвету добрались до Альцбурга...

Мансур догадывался, что не стоит всем показывать свое потрясение. Но чего это ему стоило – выглядеть спокойным! Парня трясло, зуб на зуб не попадал. В особняке Сайдулла поощрительно похлопал по плечу: «Молодец, отдыхай! Завтра можешь погулять по городу. До следующей акции! На этот раз поедем в Испанию, не возражаешь посетить земли древних мавров – потомков нынешних арабов?» Мансур держался из последних сил, кисло улыбался, бормотал, что ради благополучия своей семьи выполнит любую работу. Ночью он постоянно просыпался в холодном поту, заново переживал кошмары. Утром выгнал горничную, которая пришла навести порядок – видимо, сильно накричал на нее: азиатка не на шутку испугалась. Виам пыталась успокоить, шептала, что ему не оставили выбора, но это было слабым утешением. Зачем он включил эти новости по телевизору? Только хуже стало. Весь мир стоял «на ушах». Растерянная Европа оплакивала французских граждан, погибших в Буллоне. Журналисты захлебывались, представители полиции и спецслужб сохраняли спокойствие, сквозь которое сквозила истерика. Очередная подлая атака террористов на мирных жителей! Прошлогодняя Ницца действительно ничему не научила! Где находились хваленые службы безопасности? Террорист на тяжелом грузовике прорвался в парк, давил отдыхающих. Сообщники отвлекали внимание полиции. Кто-то выключил электричество. И заключительный аккорд: подрыв заминированного автомобиля у западных ворот на улице Конфедерат! В общей сложности 79 погибших, больше ста искалеченных – из которых половина вряд ли выживет, а остальные останутся инвалидами...

Сутки понадобились властям республики, чтобы классифицировать произошедшее как теракт. «Два в одном, – шутили злые языки в Интернете. – Был расстрел посетителей рок-концерта в парижском клубе „Батаклан“, был грузовик в Ницце на Английской набережной. А в данном случае террористы решили совместить то, что у них лучше всего получается...» В адрес правоохранительных органов летел шквал критики.

Полиция действительно вела себя беспомощно. Ни одной зацепки. Поначалу решили, что работали смертники-мусульмане – сбили с толку два мертвых тела восточной наружности в кабине. Потом от заманчивой идеи отказались – в момент совершения теракта они были уже мертвы. Водитель-убийца сбежал. Опросы свидетелей ничего не выявили. Работа в окрестных кварталах, перекрытие дорог – тоже. Имелся свидетель на стоянке грузовиков – он только видел, как грузовик выезжал с парковки и повернул налево. Вроде не должен был, но не бросаться же ему наперерез? Полиция произвела несколько арестов, пытаясь сохранить «хорошую мину при плохой игре». Но все это было пальцем в небо, задержанных продержали сутки и отпустили. «Фольксваген», на котором злоумышленники отвлекали мобильную группу, бросили в глуши подворотен. Никаких отпечатков в салоне, машина была угнана. То, что взорвалось у западных ворот, вообще не подлежит идентификации, хотя некоторые свидетели уверяли, что это был старенький «Опель»...

Списки погибших еще только составлялись, не всех удавалось идентифицировать. Подавляющее большинство – молодежь обоего пола. Погиб барабанщик рок-группы – не успел выбраться из-за своей ударной установки, его раздавило вместе с десятками других несчастных...

– Милый, ты ни в чем не виноват, тебя заставили, у тебя не было другого выхода... – долдонила Виам, обнимая своего плачущего мужа. Ей в итоге удалось до него достучаться: «Возьми же себя в руки, мальчишка! Будешь убиваться, Сайдулла живо найдет тебе замену, а нас найдут разрезанными на кусочки где-нибудь на свалке!» Мансур держался, когда Сайдулла вывел его в сад. «Пора становиться мужчиной, Мансур, – качая головой, с укором сказал он. – Ты все сделал правильно. На тебя равняются наши братья и сестры. Это война, а война немис-

лима без жертв. Походи по городу, развейся – мы доверяем тебе, теперь у тебя есть полная свобода передвижений... в радиусе трех кварталов. Но только без глупостей, договорились? К сожалению, Виам мы отпустить не можем». Парень знал, что за ним наблюдают. Блуждал в одиночестве по старым улочкам немецкого городка, покупал что-то из еды, приобрел пару сувениров. «Веди себя естественно, – стучало в голове. – Да, ты потрясен, потому что человек интеллигентный и сугубо гражданский. Думай, Мансур, – приказывал он себе. – Смерть Али Рашида и Хануф в лагере для беженцев была не случайна. Их устранили люди, на которых он работал. Почему? Можно гадать вечно. Так же устроят меня и мою Виам». Он понимал – из игры его теперь выведут лишь в единственном случае: когда станет опасным. При этом о домике в Испании лучше забыть. Он больше не хочет никого убивать. Но и рисковать любимой не хочет. Что делать?

Прошло три дня, как банда террористов вернулась из французской «командировки». Время до следующей пока есть, Сайдулла сказал открытым текстом: город Сан-Муринос на испанском побережье, крупный торговый центр. Выезжаем через три дня. Мансур горько усмехнулся: хоть Испанию посмотрит... Ночью он никак не мог уснуть.

В темноте поблескивала панель электронных часов. Уже третий час, а сна ни в одном глазу. Рядом постанывала во сне Виам – жена тоже переживала. Почему он должен мучиться из-за людей, которых никогда не знал и не видел? Солдаты Запада тоже вели себя по-свински. В деревне под Багдадом люди играли свадьбу – выдавали замуж дочь начальника местной полиции. В разгар веселья налетели американские вертолеты и накрыли весь праздник! Десятки убитых, искалеченных – и ведь лояльные властям люди! В той бойне погиб Азам – его товарищ по институту. Впоследствии выяснилось, что ошибка вышла. Не те координаты, летели бомбить вооруженную группу исламистов. Совсем ослепли американские вертолетчики – свадьбу перепутать с вооруженной бандой! Официальные лица извинились, никого не наказали. Бывает. Военные тоже люди, имеют право на ошибку...

Мансур сел на кровати, всматриваясь в полумрак. Будучи специалистом, он давно разобрался, что видеокамер в его помещениях нет. Имеется подслушивающее устройство, к которому они с Виам давно притерлись. Ноутбук и планшет выдавали только для дела. Сотовые телефоны запретили. Имелся телевизор, холодильник, микроволновка...

Он встал, бесшумно походил по комнате. Отогнул планку жалюзи, глянул в окно. Потом отправился в прихожую, постоял у закрытой двери. В доме было тихо. Затем вернулся в спальню, убедился, что Виам действительно спит, и побрел в туалет, включил свет, заперся. Здесь точно не было «прослушки». Он давно обнаружил отклеенную кафельную плитку в полу за ершиком для унитаза. Обнаружил случайно – лежала как-то криво. Просто отклеилась. Повертел, положил обратно. Впоследствии находка пригодилась... С замиранием сердца взял в руку маленький сотовый телефон фирмы «Филипс». Модель устаревшая, странно, что кто-то еще ими пользуется. Но это, пожалуй, единственная в мире фирма, снабжающая свои аппараты качественными аккумуляторами. Держат зарядку две недели... Этот телефон Мансур как-то машинально прибрал с ближайшего столика в кафе, где встречался с Майклом. Сделал это – и чуть не задохнулся от страха. Но никто не заметил. Уже в Альцбурге, уединившись в туалете, осмотрел находку. Телефон рабочий, зарядки оставалось процентов сорок. Он поднял плитку кафеля, отскоблил с задней стороны застывший цемент – получился тайничок глубиной в сантиметр. Отключив аппарат, спрятал его в тайнике, а крышку приклеил обратно жевательной резинкой...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.